

№ 121 (130)

декабрь 2025-февраль 2026

Издаётся с января 2006 года.

ВЕСТНИК АНТОНИЕВСКОГО ХРАМА

КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ ХРАМА ВО ИМЯ СЯТИТЕЛЯ АНТОНИЯ (СМИРНИЦКОГО)

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ВЫСОКОПРЕОСЯЩЕННЕЙШЕГО ЛЕОНТИЯ МИТРОПОЛИТА ВОРОНЕЖСКОГО И ЛИСКИНСКОГО
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД. ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ ИЗДАНИЯ ДОСТУПНА ПО АДРЕСУ: www.snt-antoniuss.ru

ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС

2 января мы отмечаем день памяти святителя Воронежского и Задонского Антония (Смирницкого) и праведного Иоанна Кронштадтского, а две недели спустя, 15 января Православный мир чтит преподобного Серафима Саровского. В нашем церковном сознании они очень близки. Мы воспринимаем их как воплощение русской православной святости, как небесных хранителей Святой Руси, в них наша надежда на возрождение Православной России. Мы безусловно верим, что в небесной славе эти святые вместе предстоят Престолу Божию и возносят единую молитву о Руси. Тем более для нас дороги любые факты этой духовной связи в земной истории. Существует множество свидетельств неподвластному времени и расстоянию

духовному общению православных святых Земли Русской, ибо связывал их единый Дух, единое Царство Божие, которое внутри, в сердце. Известно, что в Воронеж к святителю Антонию саровский старец Серафим посылал болящих на излечение, рекомендуя им отказаться от дальних поездок на целительные курортные воды. Сам же владыка Антоний смиренно именовал себя только «службой святого Митрофана». Единым Святым Духом освящались самоотверженные деяния «всероссийского батюшки» Иоанна и уединенный молитвенный подвиг иеромонаха Серафима... Вот что писал в 1903 году в журнале «Кормчий» Иоанн Кронштадтский о Серафиме Саровском.

«Отвергшись плоти и мира, преподобные приобрели такие внутренние блага, такой мир душевный, такое пространство сердца, такую духовную пищу и сладость, что никогда не хотели уже возвращаться в мир, ибо при нищете своей внешней имели внутреннее Небесное богатство, которое не хотели променять ни на мирские богатства, ни на славу мира. Они нашли то неоценённое сокровище в поле, о коем говорит Спаситель и которое, найдя, они утаили в глубине души своей, чтобы не дать похитить его Дьяволу и миру лукавому. И от радости о нём пошли и продали всё, что имели, и купили это поле ценою самоотвержения – купили Царствие Божие, сокровенное в человеке: *Ибо Царствие Божие внутри вас есть* [Лк. 17, 21].

Что же это за сокровище, на которое можно без сожаления променять все блага мира? Это душа наша, бессмертная по образу и подобию Божию, погребённая и задвленная страстями; это та древняя монета – драхма царская, обезображенная всякими нечистотами грешного мира, которую Господь пришёл отыскать, очистить, обновить и взять в сокровищницу Небесную. Люди, ослеплённые страстями житейскими, безумными и пагубными, не дорожат этим неоценимым сокровищем, а чада Божии ищут и обретают эту драхму царскую, очищают её слезами покаяния, просвещают светом Евангелия, через праведную жизнь соединяются с Богом и в Нём вечно живут, получая свою награду за земные подвиги ради Него.

Очистившись от скверны страстей непрестанными подвигами Богомыслия, молитвы и воздержания, не избегая и телесных трудов, угодники Божии просияли, как солнце, и ещё при жизни на земле нередко озарялись неземным светом, а при кончине имели спутниками на Небо светносных Ангелов. Так прославил Господь и преподобного отца нашего Серафима Саровского».

Михаил Нестеров. Святая Русь. Фрагмент. (1901-1905 гг.)

ГОСПОДЬ МИЛОСЕРДЕН К СВОИМ

Неожиданное откровение было праведному Иоанну Кронштадтскому от преподобного Серафима Саровского. Старец явил своему духовному собрату видения конца света, попросив записать показанное и помнить о том. Текст этого свидетельства появлялся в разных вариантах. Возможно, о Иоанн какие-то детали уточнял, вспоминая, но общий смысл сохранялся. Приводим вольное повествование о дивной встрече двух святых.

В канун Нового 1908 года после вечерней молитвы я устроился отдыхать в келии. Полутёмная комната была освещена лишь тусклым светом лампы перед иконой Пресвятой Богородицы. Минут через тридцать я услышал едва слышный шорох, чья-то рука слегка прикоснулась ко мне и тихий голос произнёс: «Встань, раб Божий Иоанн, следуй за мной!». Я поднялся. Передо мной стоял седой старец в мантии с четками в левой руке и с посохом. Он строго смотрел на меня, но глаза были полны доброты. Испуганный неожиданным явлением, я едва устоял на ногах, но старец поддержал меня. Я пытался что-то произнести, но слова не шли. Старец перекрестил меня, и мне стало легче, я ответил ему тем же. Затем он указал посохом на западную стену и начертал года: 1913, 1914, 1917, 1922, 1930, 1933, 1934... Внезапно стена исчезла.

Вместе со старцем мы шли по зелёному полю, усеянному крестами: маленькими и большими, деревянными, каменными, железными, медными, серебряными и золотыми. Проходя мимо, я перекрестился и спросил, что означают эти кресты. Старец пояснил, что это кресты тех, кто страдал за Христа и за Слово Божие. Мы продолжили свой путь. И тут я увидел реки, переполненные кровью, которая сливалась в море, окрашивая и его в красный

цвет. На вопрос о значении этого кровопролития старец ответил, что это кровь христиан. Затем он показал на небо, где сияло множество светильников. Вдруг они начали падать на землю: один за другим, потом десятками, сотнями, падающих становилось всё больше. Я был огорчён тем, что они, падая, гасли, обращаясь в пепел. Старец сказал: «Теперь смотри!» – и я увидел только семь светильников на небе. Старец объяснил, что падающие светильники – это Церкви, вставшие в ересь, а семь не погасших светильников – это семь Апостольских соборных Церквей, которые останутся до конца света. Потом я увидел и услышал ангелов, воспевавших «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!» и большое скопление людей со свечами в руках с радостными и сияющими лицами. Среди них были цари, князья, патриархи, митрополиты, епископы, архимандриты, игумены, схимники, иереи, диаконы, послушники, странники, Христа ради юродивые и, конечно, миряне самого разного возраста и сословия, юноши, отроки, даже младенцы... Херувимы и Серафимы сопровождали их в Небесную Обитель. Я спросил, кто эти люди, и старец ответил, что это рабы Божии, пострадавшие за святую Христову Соборную и Апостольскую Церковь. Я жаждал присоединиться к ним, но старец сказал, что мне ещё рано. Я спросил о младенцах, и старец пояснил, что это младенцы, пострадавшие за Христа от царя Ирода, а также те, кто был убит в утробах матерей. Я перекрестился, осознав страшную вину этих женщин...

Мы продолжили наш путь и вошли в огромный храм. Я собрался осенить себя крестным знаменем, но старец остановил меня словами: «Это место проклято и заброшено!». Я взгляделся. Вижу впереди место с тёмным алтарём. Вместо иконостаса и святых изображений висят портреты со звериными чертами и в острых шляпах, на алтаре вместо креста – огромная звезда и большая книга, тоже со звездой и на «просфорах» также звёзды, рядом горят смоляные свечи, щёлкая,

Прп. Серафим Саровский. Икона Троицкого собора Серафимо-Дивеевского монастыря.

как дрова. В воздухе смрад. На алтаре стоит чаша, откуда ползут всякие твари: жабы, скорпионы, пауки, как будто разбегаются, испуганные происходящим. А перед самым алтарём стоит слугитель в ярко-красной ризе, по которой ползают пауки и зелёные жабы. Лицо его пугающе-чёрное, как уголь, глаза красные, изо рта идёт дым, пальцы рук тоже чёрные, как обугленные. О Господи, как страшно стало!

Затем на алтарь взобралась отвратительная уродливая чёрная женщина, одетая в красное, со звездой на лбу, начала кружиться на алтаре, а потом закричала дурным голосом, как ночная сова, всему храму: «Свобода!!!» – и остановилась. Люди, находившиеся там, словно потеряв разум, начали бегать вокруг алтаря, что-то восторженно крича, свистели, хлопали в ладоши. Затем они начали петь песню, сначала тихо, затем всё громче и громче, потом завывали, как собаки, и пение превратилось в звериный рёв, а затем в жуткий крик. Внезапно сверкнула молния, прогремел гром, земля затряслась – и храм рухнул, провалившись куда-то вниз. Тёмный алтарь, обугленный священник перед ним, женщина в красном – всё смешалось и пало в бездну... Холодный пот покрыл мой лоб. Господи, спаси!

Михаил Брянский. Портрет прав. Иоанна Кронштадтского. (1891 г.)

Я перекрестился. Старец улыбнулся мне. «Всё видел?», – спросил он. – «Видел, отче! Расскажи мне, что это было?». Старец ответил: «Храм, священники, люди – это безбожники и отступники, которые отвернулись от веры Христовой и Соборной и Апостольской Церкви, признали еретическую «церковь», которая не имеет Благодати Божией. В ней нельзя ни говеть, ни исповедоваться, ни приобщаться, ни принимать миропомазание». – «Господи, спаси меня грешного, пошли мне покаяние и смерть христианскую!» – прошептал я. «Не скорби и молись Богу», – успокоил старец. И мы продолжили путь.

Старец шёл быстро, я едва успевал за ним. Внезапно он остановился и произнёс: «Видишь, вон идёт толпа, преследуемая ужасными демонами, которые беспощадно избивают и колют людей длинными пиками, вилами и крюками». – «Да, а кто эти люди?» – спросил я. «Это те самые, – ответил старец, – что отказались от веры и Святой Соборной Апостольской Церкви, кто принял еретическую веру». Здесь были епископы, священники, диаконы, монахи и монахини, которые вступили в брак, и те миряне, кто прожигал жизнь. Безбожники, колдуны, пьяницы, любители денег, еретики и отступники от Церкви, сектанты... Их внешний вид был ужасен: чёрные лица, пена изо рта, тяжкий запах. Они испускали страшные крики, но демоны беспощадно били их и гнали в глубокую пропасть. Оттуда исходили дым, огонь и зловоние. Ужасно было наблюдать это. «Избавь, Господи, от такого и помилуй!» – перекрестился я.

Смотрю далее – движется масса измученных людей, на лбу у каждого звезда. Они, увидев нас, зарычали сдавленно, как через силу: «Молись за нас Богу, святые отцы, очень нам тяжело, а сами мы не можем. Отцы и матери нас не учили Закону Божию, даже имени христианского у нас нет. Мы не получили печати дара Духа Святого». Я, заплакав, последовал за старцем. «Вот, смотри, – указал он, – видишь?». Вижу – горы... Нет, не горы – это гора трюпов человеческих, и все они в крови! «Что же это значит? чьи тела?» – «Это иноки и инокини, странники и странницы, за Святую Соборную и Апостольскую Церковь убиенные, не пожелавшие принять антихристовой печати, избравшие мученический венец за Христа».

Я взмолился: «Спаси, Господи, и помилуй рабов Божиих и всех христиан!». Тут старец оборотился к северной стороне и указал: «Смотри!» Я взглянул и вижу: царский дворец, а кругом бегают разной породы и величины звери, гады, какие-то драконы шипят, режут и лезут во дворец, и уже полезли на трон Помазанника Николая II. Лицо у того бледное, но мужественное, читает Иисусову молитву... Вдруг трон пошатнулся – и пала царская корона, покатила... Звери всё ревели, бились – давили, топтали Помазанника. Разорвали его, как бесы в аду, и всё исчезло. Какой ужас охватил меня! О Господи! Очисти и защити от всех преград и врагов! Я плакал очень долго... Наконец старец, утешая меня, произнёс: «Не плачь, такова воля Господа! Посмотри вон туда!». Я гляжу, и передо мной появляется яркий белый свет. Сначала я не мог разглядеть, кто в этом свете находится. А потом всё прояснилось, и передо мной явился Помазанник, увенчанный венком из зелёных листьев, с бледным лицом и с золотым крестом на шее. Он молча шептал молитву, а потом обратился ко мне со слезами: «Помолись за меня, отче, и передай всем православным христианам, что я умер как мученик за Православную Веру и за Святую Соборную и Апостольскую Церковь, и страдал я за всех христиан. Скажи всем православным пастырям провестись общую братскую панихиду за всех воинов, убитых на поле боя, и за тех, кто сгорел в огне, утонул в море, и за меня грешного, пострадавшего. Не ищите моей гробницы... Прошу ещё раз: молись за меня, благой пастырь». После этого всё скрылось в тумане. Я сотворил крестное знамение и произнёс: «Покойся в мире, душа усопшего раба Божия Николая, вечная память». О Господи, какие тяжкие видения! Мои руки и ноги тряслись, я снова заплакал.

Старец опять обратился ко мне: «Не плачь о том, это Божья воля, молись Богу! И смотри ещё». Теперь моему взгляду предстало множество людей, страдающих от голода: они едят траву, землю и даже друг друга, а собаки подбирают их останки. Везде ужасный запах. Господи, спаси нас и укрепи в святой вере Христовой, без веры мы слабы!.. Старец снова указывает: «Смотри теперь вон туда!». И я вижу гору книг разных размеров. Между ними ползают скользкие

вонючие черви, и от книг словно исходит смрад. «Что это за книги, отче?» – «Это писания, наполненные безбожием и ересью, они заражают многих людей мирским богохульным учением». Старец коснулся этих книг концом своего посоха, и их мрачное скопище охватило пламя. Всё сгорело дотла, и ветер развеял пепел...

Затем мы приблизились к зданию церкви, вокруг него лежит множество поминальных записок и треб. Старец пояснил, что это те записки и требы, которые лежат в церкви много лет, а священники про них забыли и не читают. Усопшие просят помолиться за них, но нет никого, кто мог бы это сделать. «А кто же будет молиться?» – спросил я. «Ангелы», – ответил старец. «Помяни, Господи, души усопших рабов Твоих во Царствии Твоём», – вздохнул я, минуя заброшенную церковь.

И тут привлекло моё внимание место, где было полно народа, молодого и старого, все одеты в красное и несут огромную кровавого цвета звезду. На каждом углу звезды сидело по дюжине демонов, а посередине – сам сатана с ужасающими рогами, крокодиловыми глазами, львиной гривой и устрашающей пастью, из которой извергалась вонючая пена. Весь народ вокруг кричал: «Вставай, проклятьем заклеймённый». Туча демонов, тоже все красные, клеймили народ, нанося каждому печать на лоб и на руку в форме звезды. Старец объяснил мне, что это печать антихриста. В страхе я перекрестился и прочитал молитву: «Да воскреснет Бог». После этого видение исчезло, как дым. Старец остановился, указал

Окончание на стр. 4

Валентин Серов. Портрет Николая II в тулурке. (1900 г.)

Виктор Васнецов. Страшный суд. Копия фрески Владимирского собора в Киеве.

на восток: «Смотри!». И я увидел множество людей с радостными лицами, в руках них были кресты и свечи. На высоком престоле в воздухе парила золотая царская корона с надписью: «На малое время». Престол окружали патриархи, епископы, священники, монахи и миряне. Все они пели: «Слава в вышних Богу и на земли мир». Я перекрестился и тоже поблагодарил Бога.

Внезапно старец сделал три крестообразных взмаха в воздухе – и я снова увидел множество трупов и реки крови. Ангелы летали над телами убиенных, поднимали души христиан к Божественному Престолу и при этом пели «Аллилуйя». Но было тяжело смотреть на это. Я заплакал и стал молиться. Старец взял меня за руку и сказал: «Не плачь! Из-за нашего неверия и преступлений это должно будет случиться. Наш Спаситель, Господь Иисус Христос, также пострадал и пролил свою святую кровь на кресте». Затем старец тоже горячо помолился, перекрестился трижды к востоку и сказал: «Пророчество Даниила сбылось. Конечная мерзость запустения». И я увидел Иерусалимский храм со звездой на куполе.

Вокруг толпилось множество людей, пытаюсь проникнуть внутрь. Я было хотел перекреститься, но старец остановил мою руку и повторил: «Здесь – мерзость запустения». Мы вошли в храм, и я увидел тёмный престол посредине, вокруг него горели смоляные свечи в три ряда. На престоле сидела фигура в ярко-красной порфире, на голове – золотая корона, украшенная бриллиантами и звездой, рядом меч. «Кто это?» – спросил я. – «Это антихрист», – ответил старец. Сидевший был высок ростом, с глазами чёрными, как уголь, с чёрной бородой в форме клина, с лицом свирепым, хитрым, лукавым, звероподобным, с орлиным носом... Вдруг антихрист встал на престол, вытянулся во весь свой рост, поднял голову и протянул правую руку к народу. На его пальцах были когти, как у тигра, и он зарычал звериным голосом: «Я ваш бог, царь и правитель. Кто не примет моей печати – смерть им тут!». Почти все упали на колени и поклонились, приняв печать на лоб. Но некоторые юноши не поклонились и воскликнули: «Мы христиане, верим в Господа нашего Иисуса Христа!». Тогда меч антихриста сверкнул, и

голова христианских юношей покатились – кровь за веру Христову была пролита. Видим далее, что ведут ещё нескольких девушек, женщин и детей. Тут антихрист ещё более взъярился, кричит: «Смерть им!». Эти христиане – мои враги. Смерть им!.. И мгновенно новые головы скатились на пол, и православная кровь снова разлилась по храму... Потом одного мальчика лет десяти привели, приказывая поклониться антихристу. Но юный христианин, не колеблясь, приступил к трону его и заявил: «Я исповедую веру в Иисуса Христа, а ты тварь преисподней, слугитель зла, ты – антихрист!». Зверски завопил антихрист, и все, стоявшие рядом, склонились перед ним. И тут неожиданно раздалась громовые удары, и тысячи Божественных молний засверкали в воздухе. И вот – сияющая молния в форме креста падает с Небес и ниспровергает антихриста, корона с его головы падает и обращается в пыль. Огромная стая птиц обрушивается с высоты, разметая останки слуг антихриста... В воодушевлении я замер. Но вскоре почувствовал, как старец коснулся моего плеча и произнёс: «Двигаемся дальше».

И дальше я вновь и вновь увижу реки крови, достающие до колен, даже до пояса. Сколько пролито христианской крови! Мне вспомнились слова из Откровения Иоанна Богослова: «И будет крови по узды конские». Боже, спаси нас, грешных! В страхе я замираю, став словно неживым. Отчего же ангелы летают вокруг и воспевают «Свят, Свят, Свят Господь!»?... Я обернулся и увидел, что старец молится на коленях. Помолившись, поднимается и тихо говорит: «Не печалься! Конец мира близок. Молись Богу, Господь милосерден к Своим слугам. Осталось недолго до конца». И, благословив меня, указал в сторону востока, произнёс: «Я иду туда!». Пав на колени, я вижу, как он быстро удаляется от земли, и кричу: «Святой отец, скажи, как твоё святое имя?». – «Серафим, – отвечает он, – а то, что ты видел, запиши и помни ради Христа».

Под звон большого колокола я открываю глаза. Холодный пот стекает по лбу, сердце бьётся сильно и неровно, руки и ноги дрожат. Я встаю, обращаюсь к востоку и молюсь: «Да воскреснет Бог». Господи, прости меня, грешного раба Твоего Иоанна. Слава Богу за всё!

По сайту ПРАВОСЛАВИЕ.ONE

КОРЕНЬ ЗЛА

«По причине умножения беззакония во многих охладает любовь» [Мф. 24, 12]. Это предсказанный признак приближения Судного Дня.

Разбираясь с понятием «беззаконие», находим без особого труда, что большинство противоправных, беззаконных и просто бесчеловечных поступков проистекают из жадности быстрой и лёгкой наживы. Всюду или почти всюду есть в преступлениях корыстный мотив, попросту – деньги.

Чёрные риелторы, телефонные мошенники, торговцы контрафактом, бюджетные воры, «коучи личностного роста» и прочая армия злодеев ищут материальной выгоды. Часто – сверхвыгоды. Что доказывает одну ясную, как день, мысль Апостола: «Корень всех зол есть сребролюбие» [1Тим. 6, 10]. Именно – всех зол! Ибо если б удалось вырвать страсть к деньгам из человечества, как вырывают гнилой зуб, то реально опустели бы тюрьмы. Только маньяки да убийцы на почве ревности, и может, кто-то ещё, кто совершает зло без мотива, а лишь по любви к чужой боли, остались бы под угрозой закона. Все остальные просто исчезли бы. Корень вырван – засохли ветви.

Но корень не вырван и вряд ли вырван будет. Наоборот, сладкая мечта о личном обогащении есть господствующий фантом из всех, какие только владеют людьми. «Американская мечта» предлагала стать богатым при помощи упорного труда. Но это уже вчерашний день. Игра на ставках или банальная лотерея рекомендуют более соблазнительный путь – стать богатым внезапно, в один момент, в один клик, после одного купленного билета. «Сорвать куш» – это интернациональный термин, понятный без перевода.

Стоило бы прислушаться к голосу мудрого Павла: желающие обогащаться впадают в искушение, и в сеть, и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу [1Тим. 6, 9]. Но этот холодный душ многим неведом или на дух непереносим. Напротив, есть массовое желание поддаться на одно из искушений в пустыне – и поклониться тому, кто обещает «все богатства мира во мгновение ока» в обмен на продажу души. Антихрист, имеющий ненадолго воцариться над сгнившим человечеством, есть «сын погибели».

И тем же именем назван Иуда – вор и предатель. Антихриста именно примут люди, имеющие воровское, иудино сердце. Поэтому распространение корысти, влюблённости в богатство, повсеместные попытки обогащаться быстро и любым способом – это процесс приготовления безбожной массы к принятию власти Всемирного обманщика. Всякие электронные чипы и коды есть лишь техническое сопровождение уже состоявшегося отпадания от Бога.

Протоиерей Андрей Ткачёв

* * *

*И спросит Господь, когда бледным, как мел,
Однажды предстану пред Ним:
– Меня всей душой полюбить ты сумел
И всем помышленьем своим?*

*Лампаду любви сохранить удалось
Всей крепостью прожитых лет?
И что я отвечу на строгий вопрос?
Скажу лишь: – Нет, Господи, нет.*

*– Вникал ли ты в Слово Мое, как в него
Вникали мудрец и аскет?
И толком сказать не смогу ничего,
Скажу лишь: – Нет, Господи, нет.*

*– Но жить хоть старался ты, как человек,
Как учит всех Новый Завет?
И я побледнею сильнее – как снег,
Скажу лишь: – Нет, Господи, нет.*

*И молвит Господь с сожаленьем Отца:
– Как скорбно от жизни такой...
Зато ты остался правдив до конца.
Войди же в Мой вечный покой.*

Андрей Попов

Джеймс Тиссо. Поцелуй Иуды. (1894 г.)

О БЛИЗКИХ ЧУДЕСАХ В РОДНЫХ КРАЯХ

Бытует мнение, будто к православным святыням или чудотворным иконам надо непременно отправляться чуть ли не на край света. Однако дело, надо признать, далеко не в точке на географической карте и не в «популярности» среди паломников того или иного святого места. Святость – она повсюду святошь, ведь Святой Дух дышит где хочет. Побывав в православных храмах и обителях, у святых источников земли воронежской и узнав от местных жителей о разных необычных событиях, выходящих за рамки обыденности, только убеждаешься в этом.

Вот один из случаев, произошедших в годы Великой Отечественной в селе Солдатском, что в Острогожском районе.

Село, как и вся Острогожчина, старинное – его основали на реке Потудани служивые люди из Коротояка более трёхсот лет назад после формирования первых солдатских полков у Белгородской черты. Из сохранившегося до наших дней документа видно, что некий Кондратий Кокоткин являлся одним из первых жителей Солдатского ещё во второй половине XVII столетия. Недалеко от Солдатского имеются сёла Ездочное и Сторожевое – их названия говорят сами за себя, ведь край этот издавна активно обживался русскими.

Какое же село без Божьего храма? Нынешняя церковь в Солдатском освящена во имя святого Афанасия Великого, но ранее стояла иная – Архангельская. В эпоху освоения беспокойного и бурлящего в этническом отношении Дикого поля на воронежской земле возникло немало храмов, приделы в коих, как правило, освящались

во имя покровителя воинов – Архангела Михаила. Известно, что к 1705 году деревянный храм Архистратига Михаила в Солдатском уже существовал. В 1744 году срубили новую церковь, а ввиду «рыхлости прежнего храма по причине кладбищенских мест» к 1785 году в Солдатском выстроили и освятили третий по счёту храм. Четвёртый появился в здесь в 1853 году.

В начале XX века в селе мог появиться каменный храм с двумя приделами, освящёнными во имя святителей Димитрия Ростовского и Митрофана Воронежского: уже был заключён договор с подрядчиком, однако дальше этого дело почему-то не пошло. Зато в 1913 году появилась каменная церковь, освящённая во имя Афанасия Великого (*празднование памяти 31 января*), которая и дожила до наших дней. Архитектура храма изящна, сочетает элементы русского и византийского стиля. Выглядит храм стройным красавцем, стены сложены из буро-красного кирпича. Афанасьевская церковь, как утверждают местные жители, не закрывалась «ни при советской, ни при немецкой власти». В тридцатые годы прошлого века пытались храм взорвать, но мудрый председатель колхоза, хоть человеком слыл и неверующим, однако, как сам он говорил, «Бога боявшийся», засыпал в трапезную церкви все зерновые запасы, заявив при этом проверяющим, что зерно ему хранить больше негде. «Если хотите, взрывайте», – развёл руками председатель. Вот так и спасли церковь. Подобная практика, кстати, была в те годы весьма и весьма распространена.

Храм Афанасия Великого в с. Солдатском.

С 1943 по 1971 годы в церкви служил в чине иерея Николай Васильевич Калугин. Трудные времена достались ему. Впрочем, а когда они были лёгкими для нашего народа? Калугин-то и оказался свидетелем того, что случилось в Афанасьевской церкви в январе 1943 года, в самом начале его служения.

В селе стояли тогда венгерские части, а в мирном поведении их никак не заподозришь. К нашим храмам мадьяры относились пренебрежительно, а то и подчёркнуто издевательски. Таким образом враг вёл себя отнюдь не бездумно, ибо в ту страшную войну русские люди и морально, и физически спасались благодаря вере. Венграм же захотелось показать, что они презирают нашу веру и что православные святыни ничего из себя не представляют, особенно для них, воевавших тогда на оккупированных землях.

В один из студёных зимних дней группа оккупантов заявила в храм Божий. А в Афанасьевской церкви среди прочих под стеклом находилась старинная ростовая икона Николая Чудотворца (*празднование памяти 19 декабря*) – икона, чтимая верующими. Один из венгерских солдат прикладом ударил по стеклу святого образа. Удар получился сильным, однако стекло выдержало. Ещё удар, ещё... И тут задрожала земля – будто от землетрясения. А икона-то – целёхонька! Испуганные вояки поспешно удалились и рассказали о случившемся своим товарищам. Те подняли их на смех и предложили продемонстрировать, как надо разбивать стёкла на иконах. Гогочущей гурьбой ввалились кощунники в храм и попытались проделать то же самое. Бесполезно!.. Образ Николая Чудотворца ничуть не пострадал, лишь малый уголок стекла откололся, зато земля задрожала сильнее... Откуда сие? На фронте царило временное затишье, землетрясения нашим краям не свойственны... Убрались их храма мадьяры.

Вскоре Солдатское освободила Красная Армия. И хотя существовал негласный приказ: «Венгров в плен не брать», на деле их, бывало, всё-таки щадили. Конечно, когда попадал иноземец под горячую руку нашего бойца в разгар боя, то венгра ждала неминуемая смерть, но после битвы пленников не добивали – отходчива душа русского солдата...

В Солдатском почти все венгры остались в живых, погибли же только те, кто пытался надругаться над образом Николы Угодника. Причём их не накрыло всех разом каким-то шальным снарядом – смерть

настигла оккупантов в разных концах села. Отец Николай Калугин и местные жители лично свидетельствовали о том.

Образ святого Николая, о котором речь, и сейчас находится в храме, в иконостасе с правой стороны. Впоследствии икона прославилась как чудотворная. Не один болящий, равно как впавший в скорбь или уныние, обрёл исцеление и утешение после посещения Афанасьевского храма села Солдатского и после молитвы у образа Святителя Николая.

Связано с Солдатским и ещё одно чудесное явление. В не столь далёкие годы в селе проживала женщина от времени блаженная Лиза. Всем своим поведением она вызывала насмешки и осуждение прихожан и местных жителей. И мало кто догадывался, что таким образом блаженная показывала окружающим, кто они на самом деле по своей сути – даже те люди, что, может, и искренне считали себя благочестивыми христианами... Поведение блаженной Лизы являло собой чистойшей воды русское юродство в одном из его проявлений. По воспоминаниям, Лиза, бывало, предвидела грядущие события. Умерла она в начале нового века, могила блаженной находится на сельском кладбище, что рядом с храмом. Лет пятнадцать тому назад приезжавшие в село зимой паломники сорвали с Лизиной могилы совсем высохшие веточки. Прошло совсем мало времени, и у всех, кто взял эти веточки к себе домой, они зацвели. Причём не в воде, а просто так, сухоостоем...

Сохранилась и каморка Лизы, обстановка в ней самая скромная. Да и что материального после пребывания на этой земле могла оставить блаженная? Иное дело – духовное наследство. Лизу помнят многие. После общения с ней люди зачастую переосмысливали свою жизнь, меняли жизненные приоритеты. Наверное, и так тоже проявляется благодать Божия, изливаемая на человека. Происходит подобное по-разному, однако часто внутренняя слепота мешает человеку увидеть чудо, а духовная тлетокость не позволяет впитывать небывалый опыт.

Далеко за примером ходить не надо. Многие ищут чудес и жаждут прикоснуться к святости в иных краях, не обращая внимание на то, что с нами рядом. Да, чудеса бывают разные, известные и не очень. И святые прославлены бывают не вдруг. Но оттого они не перестают быть проявлением Господней Воли и Милости Божьей к земному миру.

Игорь Маркин

Дорогие братья и сестры!

Просим пожертвовать на оштукатуривание стен храма во имя святителя Антония (Смирницкого).

Ваши пожертвования направляйте по реквизитам, указанным ниже.

Имена жертвователей будут поминаться на проскомидии.

Протоиерей Николай Бабич

**МРО ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД ХРАМА ВО ИМЯ СВ. АНТОНИЯ (СМИРНИЦКОГО),
АРХИЕП. ВОРОНЕЖСКОГО И ЗАДОНСКОГО г. ВОРОНЕЖА**

**Реквизиты: ИНН 3665045857, КПП 366501001, р/с 40703810600510003141 в Филиале
«Центральный» Банка ВТБ (ПАО) в г. Москве. К/с 30101810145250000411, БИК 044525411**

Либо на карту СБЕРБАНКА 5469 1300 1724 1736 (привязана к тел. 8-951-860-40-40)

ОТВЕТ БОГА НА ПЕЧАЛЬ МИРА

Жестокость мира – от демонов. Разврат мира – от того что весь человек стал плотью и только плотью. И радость мира – шумная и надрывная радость, от которой тяжело, как с похмелья – это лишь декорация: аналог репродукции картины на стене, висящей только для того, чтобы закрыть дыру в обоях. До начала мир пуст. После грехопадения он пуст, как барабан; пуст, как опустошённый вором кошелек. Оттуда, из чрева пустоты, выползает медленная и звенящая тоска – та самая, с которой если кто не знаком, то не сможет понять и ощутить сердцем, чему можно радоваться в Рождество Христово. Пустой мир – и человек, сдувшийся как шарик. И если надо дальше жить (даже если и не хочется, но придётся), то нужно «развеселить себя» чем-то. Пустота – от грехопадения. Суета и шум – от невозможности сидеть на месте и в тишине. Разврат – от угасания духа, от тотальной власти плоти и от невозможности этой власти сопротивляться. А уже злоба – от демонов. В особенности – лукавая злоба, в которой улыбаются и держат паузу. В которой вынашивают замысел и строят планы. В которой жестокость не порывистая, а осмысленная, санкционированная, идеологическая. Что ещё есть вокруг, что ускользнуло из списка? Чего не назвали?..

И вот на землю, подпадающую под наше описание, пришёл Христос. На развратную от отчаяния землю – пришёл Сын Девы, не имевший в Себе греха. На поглупевшую землю пришла Премудрость Божия: туда, где пустота, пришёл Тот, в Котором полнота. И поскольку земля из-за демонов стала лукава и жестока, милосердного Христа ждали на земле сети словесных уловок, крики распинателей и плётки солдат претории. Он это знал и всё же Он пришёл. Не отрёкся. Не отказался. Прими благодарный поклон, Спаситель мой и Благодетель. Мы празднуем Рождество, господи! Рождество, говорю, празднуем, товарищи! Братья и сёстры, мадам и месье, мы Воплощение Сына Божия торжествуем! Нам праздники даны не для воспоминаний о событиях, а для сердечного участия в них – в этих самых празднуемых событиях. По замыслу и в идеале мы не «вспоминаем» и едим, а соучаствуем и веселимся. И если праздник способен приобщить человека к радости пастухов, слышавших ангельский хор, и волхвов, принесших дары, то Рождество способно заострить также и ту тоску дохристианского мира, от которой в томлении издыхало человечество.

Не издыхает ли оно вновь, только уже не как ждущее Искупителя, а как отрешившееся от Него, и, следовательно, более виновное?

Предпраздничная тоска. Непонятная пустота, день за днём сосущая сердце... Смутное недовольство всем вообще и ничем конкретно. Шуба не греет, покупка не тешит, анекдот не смешит. Новости страшат, разговоры утомляют. Знакомо? Если нет, то чему вы радуетесь в Рождество? Книге нужен переплёт и картине – рама. Так для радости нужен печальный контраст, потому что и сама радость – это ответ Бога на печаль мира. Речь не о личной печали, которая у всех своя, а о печали вселенской, которой дышат все без исключения. И благодать – та, что обрезает не крайнюю плоть, но сердце – делает человека внутренне чувствительным не только к движениям Духа, но и к тонкой печали века сего.

Эта печаль погибающего человечества, мало кем осознанная, но несомненная, свела с Небес Сына Божия. Это Он сжалился на нашу бедность, на наше угасание и бесплодное ползание в пыли. Он ведь с Отцом и Святым Духом не для того нас создал, чтобы мы жили вот так, как живём обычно. Пропасть лежит между тем, какими мы быть должны – и какими стали. И дело нужно было исправить, но не человеческой рукой – слаба она, но Рукой Божественной. Рукой на первых порах – Младенческой. Это и есть Рождество.

Чувствуя странную, нездешнюю радость от того, что Он пришёл, мы обязаны обрезанным сердцем чувствовать и вкус трагедии, которая привела к Воплощению, а затем к Крестному Страданию Иисуса и Его Воскресению. Нечувствие радости есть точный диагноз неверия. И излишний праздничный шум – это лишь звуковая завеса. Рождество тишины хочет. Тишины, простоты и слёз. Слёз в тишине и радостного ужаса. Ужас прогоняет тоску и приносит смысл. Ибо если и есть что-то подлинно ужасное (в смысле не бытовом, но библейском), то это Истина, завитая в пелёнки, которую вдруг распеленали.

Говорить можно много, и если разговорился, то уже и хочется. Но надо ли? Что скажет человек, когда Ангелы поют, да и не в одиночку, но хором! Такое привычное, но совершенно неизвестное празднование. Морозное, ёлочное, в шарах и лентах, измучившее приближением, оглушающее приходом. Рождество Христово пришло. Пришло Рождество. Пришло...

Протоиерей Андрей Ткачёв

ЕЛЕНА ЛИТОВСКАЯ И «ВИЛЕНСКАЯ» ИКОНА БОЖЬЕЙ МАТЕРИ

«Виленская» икона Богородицы – это древний образ, который, по Преданию, был написан рукою святого апостола евангелиста Луки, обладавшего многими талантами. Из Палестины образ перенесли в Константинополь, где он стал семейной реликвией византийских императоров. Святой Лука был и врачом, и писателем, и художником. Ещё при жизни Божией Матери написал он известнейшие Богородичные образы: Владимирский, Смоленский, Феодоровский, Корсунский, Иерусалимский... Ему же приписывают и создание чудотворного «Виленского» образа Небесной Владычицы. Предание повествует, что работы апостола, исполненные, как правило, на обычных досках, благословила Сама Пречистая Дева, сказав, что благодать всегда будет обильно подаваться верующим через её лики.

«Виленская» икона Божьей Матери относится к иконографическому типу «Одигитрия»: Богородица изображена с сидящим на её руках Младенцем Иисусом. Правая рука Богомладенца высоко поднята в благословляющем жесте.

Много столетий находилась эта чудесная икона в Византии. Когда же, овдовев в 1467 году, Великий князь Московский Иоанн III сватал себе в жёны наследницу императоров – греческую царевну Зою (Софию) Палеологиню, невеста в качестве свадебного благословения семьи привезла в Русскую землю икону Богородицы. По наиболее распространённой версии, принесение святого Богородичного образа в Москву случилось в 1472 году. В ту пору Великое княжество Московское, ещё недавно кичливыми европейцами считавшееся задворками «Тартарии», усилиями поколений объединило вокруг себя большую часть Русских земель и продвигало своё влияние в восточном направлении. Союз с «герцогом Белой России», как называли Иоанна III в латинских актах того времени, сулил и европейским, и восточным христианам военно-политическую поддержку и серьёзные экономические выгоды. При этом династическая связь с древним и славным родом Палеологов укрепляла престиж и великокняжеского дома, и

всего Московского государства. А византийская царевна София Фоминична Палеолог, племянница последнего императора ромеев Константина XI, став супругой великого Московского государя, среди православного народа получила возможность проявить свои истинные симпатии, начав брать благословение у русского духовенства, посещать церкви и прикладываясь к святым иконам. Именно в эти времена Русь явила миру преподобных Сергия Радонежского и Андрея Рублёва, и её мощная духовная основа преображала даже тех иностранцев, которые попадали в Россию из совершенно чуждых культурных традиций, находя здесь то, что давно иссякло в Византии: могучие народные силы и свежесть искренней незамутнённой веры... Русское государство росло и поднималось на высоту Православного Царства – того Третьего Рима, о котором грезили лучшие умы того времени.

Спустя два десятилетия после судьбоносного бракосочетания с 24-летней Софией Палеолог, Великий князь Московский благословил перед венчанием древним Богородичным образом, прибывшим на Русь из Константинополя, любимую дочь Елену: она покидала отчий дом, дабы вступить в брак с молодым литовским князем Александром Ягеллончиком.

Этот союз, совершаемый по политическим мотивам, должен был если не положить конец, то хотя бы приостановить постоянные военные конфликты, то и дело вспыхивавшие между Москвой и Польско-Литовским государством. Свадьба состоялась 15 февраля 1495 года в Вильне. Вместе с Еленой Иоанновной в Литву выехали знатные бояре с семьями, составившими двор княгини, однако все они впоследствии были высланы обратно. Бракосочетание проходило в католическом соборе, православный священник во время службы громко пел полагававшиеся в «греческой вере» молитвы, потому церемония вышла ни католической, ни православной.

Литовский правитель рассчитывал, что брак с русской княжной Еленой поможет ему вернуть часть земель, утраченных в ходе русско-литовской войны 1487-1494 годов, однако этого не произошло. Выражая своё недовольство, Александр не выделил молодой жене тех владений, которые обычно давались на содержание великим княгиням литовским. Известны свидетельства, что католическое духовенство пыталось убедить Елену принять католицизм, но неудачно, что стало причиной конфликтов между нею и матерью Александра польской королевой Елизаветой Габсбург. Камнем преткновения во взаимоотношениях с католической частью литовского двора также оставалась Православная вера Елены. Несмотря на изоляцию, в которой оказалась Елена Иоанновна в окружении католической знати, она сумела приобрести определённое влияние. Историки признают, что Александр прислушивался к советам молодой супруги и, вероятно, был привязан к ней, а княгиня часто сопровождала его в разъездах по стране. Существует предание, что преемник митрополита Киевского Иосифа (Болгариневича) Иона II своим назначением на Киевскую митрополию обязан именно ходатайству Елены Иоанновны перед супругом. Древний Лицевой летописный свод сообщает: «В том же месяце [январе] в 13 день во вторник отпустил великий князь Иван

Продолжение на стр. 10-11

Васильевич свою дочь княжну Елену за Александра Литовского, а благословил княжну Елену игумен Троицкий Симон, потому что тогда митрополита не было; и послал с ней своих послов вместе с жёнами, князя Семёна Ивановича Ряполовского, Михаила Яковлевича Русалку и дьяка Василия Кулешина, и многих других князей и боярских детей своего двора.

И пришли в Вильну февраля в 15 день в неделю о блудном сыне, и сначала пришла великая княжна Елена к церкви Пречистой Богородицы нашего греческого вероисповедания, и тут молебны отслужили, и пошли оттуда к венчанию, и венчали их в церкви [святого] Станислава римского вероисповедания епископ Виленский по-латински, а поп Фома великого князя по греческому обряду. И оттуда великий князь Александр, почтив послов великого князя Ивана III и боярских детей его двора, отпустил их с великими почестями. А великая княгиня оставила у себя в Вильне князя Василия Ромодановского, Прокопия Скурата и Дмитрия Пешака; князь же великий Александр вскоре и их отослал в Москву, а великую княгиню Елену начал принуждать к принятию римского вероисповедания.

И великий князь Иван Васильевич Всея Руси послал по этому поводу в Литву к своему зятю своих послов: Бориса Васильевича Кутузова и дьяка Андрея Майка, чтобы его дочь великую княгиню Елену не принуждал князь перейти от греческого вероисповедания к римскому». Итак, духовно поддерживающая Елену Иоанновну увезённая из Москвы икона Божией Матери оказалась в городе Вильне – столице Литовского княжества, отчего и обрела название «Виленская». Иконе было установлено празднование **28 февраля** (15 февраля ст.ст.) в честь перенесения её в Вильну и **27 (14 ст.ст.) апреля**.

Марсели Краевский. Елена Иоанновна Московская, королева Польская. (1866 г.)

Во время очередной русско-литовской войны, поводом к которой послужил отчасти отказ литовского князя Александра построить православный храм для супруги, религиозное давление на княгиню усилилось. В дело вмешался сам папа Римский, однако Елена Иоанновна осталась верна Православии. Когда в 1501 году Александр Ягеллончик принял польскую корону, его русская супруга отказалась от коронации, дабы не признавать главенства понтифика. Как полагают исследователи, сохранение Православной веры помогло Елене сохранить близкие контакты с Москвой и дистанцироваться от польско-литовского дворянства.

Великая княгиня Литовская Елена постепенно превращалась в самостоятельную мудрую правительницу. Её двор стал центром притяжения для православной русской знати Великого княжества Литовского, а сама она – связующим звеном между Россией и Литвой. При ней было построено несколько православных храмов в Вильне,

что на фоне общей католизации и полонизации Великого княжества Литовского было пусть маленькой, но победой. Положение Елены пошатнулось после смерти Александра в 1506 году. Великий князь Литовский и король Польский умер бездетным, и новым королём был избран младший брат Александра Сигизмунд I по прозвищу Старый. Ярый приверженец католичества, новый польский король не скрывал, что русская княгиня Елена по сути являлась заложницей при польско-литовском дворе. В какой-то момент положение Елены Иоанновны стало настолько невыносимым и опасным для жизни, что она задумала побег на родину. План раскрылся, её арестовали осенью 1512 года, обвинив в подготовке к бегству. Виленский воевода Николай Радзивилл и Троицкий воевода Григорий Остикович вывели Елену Иоанновну прямо из церкви во время её поездки в Браславское имение. Княгиню привезли сначала в Троки (ныне Тракай), потом в Бириштаны (ныне Бириштонас). Против неё дал показания Войтех Ключок, подтвердивший планы вдовы Александра вернуться в Москву, на родину. Между 29 января и 26 февраля 1513 года Великая княгиня Литовская и королева Польская Елена Иоанновна умерла. По всей видимости, она была отравлена – этот способ устранения соперников издавна пользовался популярностью в Европе. Она была похоронена в Вильне в кафедральном соборе во имя Успения Пречистой Божией Матери. После смерти княгини Елены привезённую из Москвы икону поместили над её гробницей в Пречистенском соборе.

Смерть сестры Василия III Елены Иоанновны стала поводом к началу новой затяжной войны между Россией и Польско-Литовским государством, в результате которой смоленские земли перешли в состав России.

ПОЗНАНИЕ СЕРДЦЕМ

Гордитесь званием женщины, гордитесь тем, что родились не мужчинами, а женщинами, ибо Господь дал вам сердце гораздо лучшее, чем сердце мужское – сердце восприимчивое ко всему святому, сердце мягкое, как воск, чувствующее Правду Христову.

Не умом холодным живёте вы, как мужчины – живёте вы чувством сердца, ибо сердце человеческое, наряду с умом, есть орган познания. И познание сердцем выше, чем познание умом.

Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий)

Многими чудесами и исцелениями прославилась святая «Виленская» икона Богородицы. Слух о дивном «Виленском» образе Богородицы распространился по христианскому миру, и со всех уголков Европы потекли к ней как православные люди, так и католики. Икона была одинаково почитаема ими. Очень часто приезжали в Литву на поклонение святыне, конечно же, и русские богомольцы, горячо почитавшие этот образ Богородицы. В день празднования «Виленской» иконы Божией Матери по народной традиции верующие имели обычай накрывать столы и приглашать гостей, деля семейную трапезу с тем, кто нуждался в поддержке.

После заключения Брестской унии икона досталась униатам. Впоследствии её перенесли в Виленский Свято-Троицкий монастырь (греко-католический). Дважды русские цари пытались вернуть икону: во время Ливонской войны в 1569 году за её возврат царь Иоанн Грозный предложил королю Сигизмунду отпустить пятьдесят знатных шляхтичей, пленённых во время сражения. Но король наотрез отказался от подобного обмена: католики чтили «Виленский» Богородичный образ как одну из святынь своей Церкви, им очень нужна была эта древняя икона.

После взятия Вильны в 1655 году войсками царя Алексея Михайловича по его поручению виленский воевода Михаил Шаховской пытался разыскать икону, но святой образ был спешно вывезен в униатский монастырь в Королевец (Кёнигсберг).

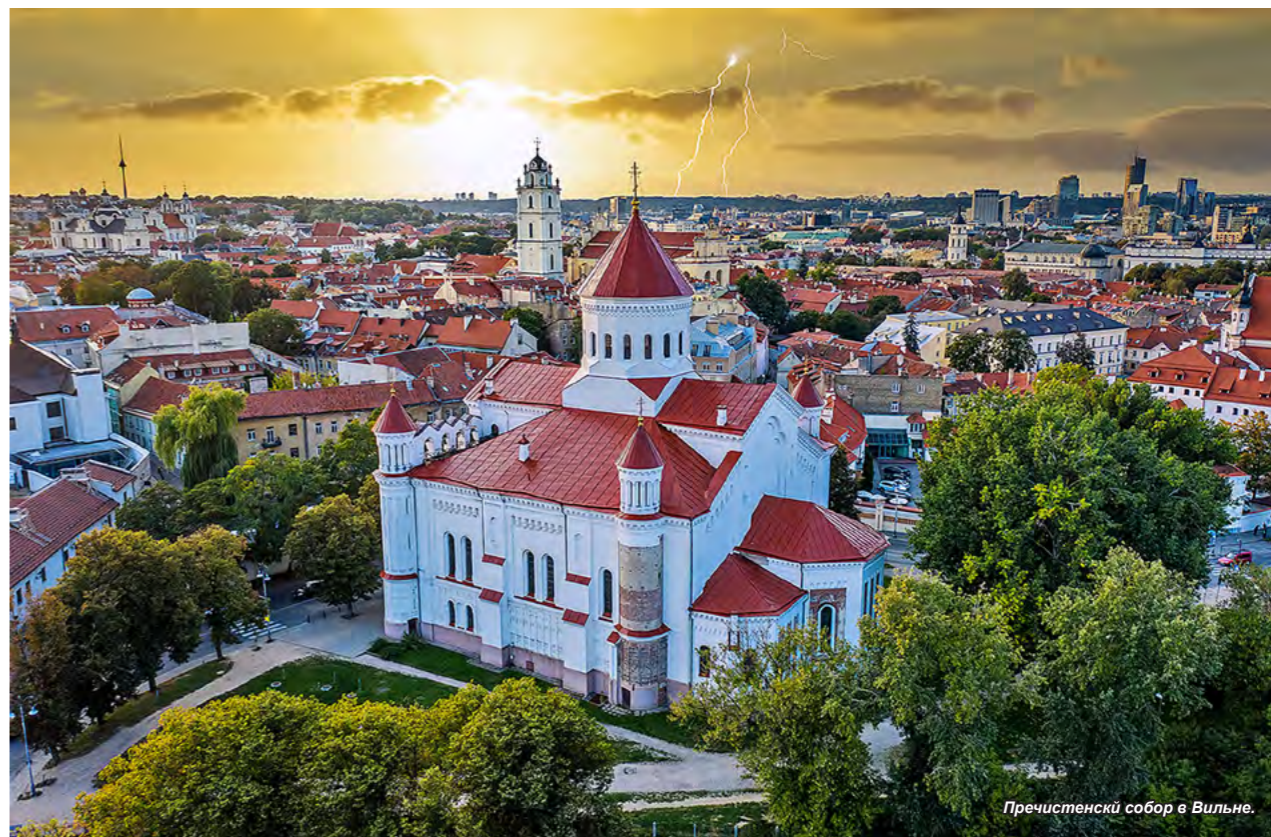
Позже «Виленская» икона Богородицы всё же вернулась в Россию. Это произошло во время присоединения к Российской Империи польских территорий. Святейший патриарх Тихон, возведённый впоследствии в сонм прославленных угодников Божиих, в начале своего архиерейского служения коленапреклонно молился перед ней, отправляясь на фронт в начале Первой Мировой войны. Во время военных действий многие святыни были эвакуированы из прифронтовой зоны Литвы и Белоруссии, в их числе и «Виленская» икона Богородицы. Перед тем как вывезти святыню из Вильны, с неё сделали список. Он до сих пор находится в литовской столице в соборном храме Свято-Духова монастыря.

В 1915 году чудный образ вместе с мощами Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия – православных христиан, убитых в Великом княжестве литовском в сороковых годах XIV века – торжественно перенесли в московский

Донской монастырь. Десятки тысяч паломников стекались в те дни к обители отовсюду, чтобы помолиться Божией Матери и испросить Её предстательства за жизнь русских воинов, бившихся на поле боя.

В стенах Донской обители икона находилась вплоть до революционных событий в России. Что сделали с нею богоборческие власти Страны Советов впоследствии, к сожалению, неизвестно. «Виленский» образ Владычицы в тот самый для нашего Отечества период бесследно исчез, следы его затерялись... Но копии чудотворного образа хранятся в православных храмах и монастырях по всему миру.

«Виленская» икона Божьей Матери напоминает нам о милосердии и заступничестве Пресвятой Богородицы, которая всегда помогает тем, кто обращается к Ней с чистым сердцем. Верующие молятся перед этим образом в трудные моменты жизни, прося помочь обрести надежду, даровать физическое и духовное здоровье, сохранить любовь в семье (поэтому образ нередко дарят новобрачным); при сомнениях и унынии молитва перед «Виленской» иконой Царицы Небесной укрепляет веру и направляет человека на путь истинный.

Пречистенский собор в Вильне.

НА ПУТИ К СИЯНИЮ ЖИЗНИ ВЕЧНОЙ

Внимательно читая Священное Писание, задумаемся о глубоком значении каждого слова. Сегодня вспомним евангельскую Притчу о невидимо растущем семени. «И сказал: Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встаёт ночью и днём; и как семя всходит и растёт, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе. Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва» [Мк .4, 26-29].

Здесь человек сравнивается с растением, отмечает священник Антоний Русакевич. Как растение растёт и проходит определённые стадии роста, так и крещёный человек, принявший учение Христово, также внутренне постепенно меняется. Это преобразование происходит под воздействием Божией Благодати. В начале своего духовного пути человек подобен молодой поросли, которая тянется к солнцу. Он жаждет Бога, полон добрых порывов, но эти порывы ещё незрелые. Проходит время, и Господь даёт силу человеку окрепнуть в вере и в добродетелях. Когда человек становится духовно зрелым, он может Господу приносить совершенный плод добрых дел. А на вершине духовного развития, уникального для каждого из нас, наступает время «жатвы», и Господь забирает человека к Себе. Духовно зрелым человек становится не сразу, зачастую для этого требуется целая жизнь. Но уж если Благодать Божия в душу посеяна, она обязательно прорастёт и даст плоды, порой совершенно неожиданно для самого человека. В этом кроется и ответ на вопрос: зачем крестить ребёнка в младенчестве?

«Божественная Благодать, которая в одно мгновение может очистить человека и сделать совершенным,

Александр Бубнов. Хлеб.

– утверждал преподобный Макарий Египетский, – начинает посещать душу постепенно, чтобы испытать человеческое произволение». Из маленького семени далеко не сразу вырастает плодоносящее дерево. Оно растёт постепенно, его внутренние изменения невидимы глазу. Точно так же мы не можем сразу увидеть религиозное преобразование души другого человека, которое совершается силой Божественной Благодати.

Вот как толкует евангельский текст святитель Феофан Затворник: «Притча о постепенном возрастании из семени пшеницы изображает в отношении к каждому человеку постепенное возрастание потаённого в сердце человека, Благодатью Божией засеменяемого и собираемого. А в отношении к человечеству – постепенное увеличение тела Церкви, или общества спасаемых в Господе Иисусе Христе по чину, Им установленному. Этою притчею разрешается вопрос: отчего до сего времени христианство не всеобъемлюще? Как человек, бросив семя в землю, спит и встаёт, семя же прозябает и растёт само собою без его ведома, так и Господь, положив на земле семя Божественной жизни, дал ему свободу о себе разрастаться, подчинив его естественному течению событий и не насилуя этих последних; блюдет только семя, содействует ему в частных случаях и даёт общее направление.

Причина этому в свободе человека. Господь ищет, чтобы человек сам себя подчинил Ему, и ждёт склонения его свободы; дело и длится. Если бы всё зависело только от воли Божией, давно бы все были христианами. Другая мысль: создаваемое тело Церкви создается на Небе; с земли поступают только материалы, образующие тоже Небесными деятелями. Слово с Неба проходит по земле и привлекает желающих. Внявшие и последовавшие поступают как сырьевой материал в лабораторию Божию – в Церковь, и здесь переделываются по образцам с Неба данным. Переделанные, по исходе из этой жизни, переходят на Небо и там поступают в здание Божие, каждый куда годен. Это идёт непрерывно, и, следовательно, дело Божие не стоит на месте. Всеобщее торжество христианства и не требуется для сего. Здание Божие создается невидимо».

Итак, человек всегда стоит перед Богом. И, размышляя о действии Слова Божия в земном мире, о важности благовествования о Спасителе, о влиянии христианской жизни на людей, митрополит Антоний Сурожский напоминает слова святого апостола Павла из Послания к Коринфянам: «Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог» [1Кор. 3, 6]. Он обращает внимание на то, что быстрота, с которой апостольское слово растёт, не обязательно соответствует желанию благовествующего, чтобы всё исполнилось как можно скорее. Как запало в душу слово, образ, понимание, как возшло оно – порою непостижимо. Не сразу духовно оживший человек становится зрелым человеком. Нужно иметь терпение и в отношении к себе, и к другим. Напрасно падать духом, не видя желанного роста, явных изменений – Божие семя рано или поздно взойдёт. Прежде нежели колос может показаться над землёй, должно произойти нечто неизбежное с семенем под землёю: оно должно раствориться, как бы исчезнуть. Там оно пронизывается, пропитывается влагой, и его больше узнать нельзя. И только когда это семя уже почти нельзя отличить от почвы, в которой оно находится,

Сергей Феденко. Ангелы в осеннем лесу.

Дождя и ангела в дорогу.
Дорога мокрая – так что ж?
Езжай пораньше, понемногу,
не превышай – на то и дождь.

А после в воздухе высоком
под паволокой голубой
следящий ястреб или сокол
крыла расправит над тобой.

Но ты недоброю приметой
не почитай их зоркий труд –
то ангелы нас эстафетой
из клюва в клюв передают

Андрей Расторгуев

начинается прорастание, а затем и плодотворение. И плод может явиться и возрасти даже самым малым, незаметным образом... Не обязательно мы должны что-то громадное принести в мир, какое-то откровение дать многим. Иногда одно слово, сказанное вовремя, даже и нечаянно, может кому-то помочь.

Митрополит Антоний Сурожский вспоминал давний случай. Тогда он преподавал в Русской гимназии в Париже. «Однажды девочка лет четырнадцати сидела и весь урок плакала. Когда она выходила, я стоял у дверей. Я девочку остановил и сказал: “Не отчаивайся никогда!”. Она прошла мимо. Я не знал, что с этим словом случится, но верил в помощь Божию. Двадцать пять лет спустя она меня разыскала и написала письмо, что в тот день мои слова дали ей силу жить и надежду на будущее; это будущее перед ней раскрылось. В какой-то нужный момент я только сказал ласковое слово бедной плачущей девочке, исходя из моего собственного опыта и из того, чему я научился от Христа. И это значительно изменило её жизнь...

Можно спасать и губить самых близких людей не только тем, что вы говорите или делаете, но и тем, что вы собою представляете, кем являетесь в действительности. Мы часто думаем о себе с чувством какой-то самоправедности: у нас всё в порядке, всё добро, всё хорошо. А когда придём на суд Божий, окажется, что ничего подобного и не было, а многое мы только воображали о себе. Я воображал, что добрый; на самом деле лишь какие-то крохи со своего обильного стола бросал другим, но никогда по-настоящему не делился с ними своим хлебом. Думал, что гостеприимен, но принимал даже своих друзей только пока они не обременяли меня, и мне захотелось остаться в кругу семьи или просто спокойно посидеть и почитать в тот самый момент, когда я был особенно нужен им. Таких примеров, когда все мнимые достоинства наши могут оказаться просто иллюзией, множество. И прежде чем придёт суд Божий и итог нашей жизни будет подведён, надо задать вопрос себе: что во мне реально, а что является лишь моей фантазией о себе, и что на самом деле есть во мне доброго?

Человек, который духовно нечто важное постиг, может об этом не говорить, но в нём происходит такая перемена, что окружающие это ощущают. Люди,

которые с ним соприкасаются, чувствуют, понимают, что общаются с человеком, в котором есть что-то особенное. Помню слова моего духовного отца о том, что никто не может оторваться от земли и идти в Небесное (то есть в Царство Божие), если он не увидит в глазах или на лице хоть одного человека сияние вечной жизни. Люди, приходившие к преподобному Серафиму Саровскому, к преподобному Сергию Радонежскому и вообще к святым, а порою даже к людям почти обыкновенным, но тем, которые жили и живут углублённой духовной жизнью – чувствовали, что есть жизнь вечная».

Берегись греха, человек! В грехе яд скрыт. Когда коснёшься его, умертвит тебя: «Возмездие за грех – смерть» [Рим. 6, 23]. Яд в ненависти, злопамятстве и убийстве – берегись этого! Яд в блуде и во всякой нечистоте – берегись этого! Яд в пьянстве, роскоши и сластолюбии – берегись этого! Яд во вражде и ссоре – берегись этого! Яд в воровстве, хищении, насилии, лихоимстве и всяком неправедном деле – берегись его! Яд в праздности и лени – берегись этого! Яд в клевете, осуждении, злоречии, ругательстве, сквернословии, глупых речах, кощунстве и всяком непозном и гнилом слове – берегись этого, человек! Яд и в гордости, славолубии, тщеславии и лицемерии – берегись этого! Яд во всяком деле, слове, помышлении и начинании богопротивном – берегись этого!

Берегись всякого греха, человек! Да не умертвит тебя! Яд тело умерщвляет, грех – душу. Бережись смерти телесной, тем более должен беречься смерти душевной, которую грех делает. А если душу будешь беречь от смертоносного яда греха, то вовеки будешь жить, хотя и умрёшь, ибо Благодатью Божьею восстанешь не в смерть, но в жизнь вечную.

Берегись и ты, душа моя, всякого греха, как яда смертоносного – да не умертвит тебя.

Святитель Тихон Задонский

ЗА ВЕЛИКОЕ ДЕЛО ЛЮБВИ

Если пасмурен день, если ночь не светла, если ветер осенний бушует,
Над душой воцаряется мгла, ум, бездействуя, вяло тоскует.
Только сном и возможно помочь, но, к несчастью, не всякому спится...
Слава богу! морозная ночь – я сегодня не буду томиться.
... Спи, кто может, – я спать не могу. Я стою потихоньку, без шума
На покрытом стогами лугу и невольную думаю думу.
Не умел я с тобой совладать, не осилил я думы жестокой...
В эту ночь я хотел бы рыдать на могиле далёкой,
Где лежит моя бедная мать...
... Повидайся со мною, родимая! Появись лёгкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая, всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою, весь свой век под грозю сердитою
Простояла ты, грудью своей защищая любимых детей.
И гроза над тобой разразилась! Ты, не дрогнув, удар приняла,
За врагов, умирая, молилася, на детей милость Бога звала.
Неужели за годы страдания Тот, Кто столько тобою был чтим,
Не пошлёт тебе радость свидания с погибающим сыном твоим?...
Я кручину мою многолетнюю на родимую грудь изолюю,
Я тебе мою песню последнюю, мою горькую песню спою.
Чтоб ту силу свободную, гордую, что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твёрдою и на правый поставила путь...
Треволнения мирского далёкая, с неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая, с тихой грустью на бледных устах...
Я не думал, что молодость шумная, что надменная сила пройдёт –
И влекла меня жажда безумная, жажда жизни – вперёд и вперёд!
Увлекаем бесславно битвою, сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою, снова падал – и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую! Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, празднично болтающих, обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих за великое дело любви!

Николай Некрасов. «Рыцарь на час» (фрагмент)

Михаил Нестеров. Соловей поёт.

Любовь не есть просто сердечное ощущение. Любовь – царица всех чувств, благородных и положительных. Преподобный Феодор Эдесский говорит: «Любовь с полным правом называется матерью добродетели, главой закона и пророков». Все остальные благородные и положительные ощущения как бы её «придворные дамы».

Потому апостол и пишет Колоссянам, что любовь – совершенство: «Любовь есть связь совершенства» [Кол. 3, 14]. А к Солунянам: «Господь да управит сердца ваши на любовь Божию» [2 Сол. 3, 5]. Воистину, любовь есть кратчайший путь в Царство Небесное. Любовь уничтожила разделение между Богом и человеком.

Бог – совершенная личность, потому Он – и Любовь совершенная. Бог – совершенная личность, потому Он – и Жизнь совершенная. Вот почему Христос и произнёс слова, потрясшие мир: «Я есмь путь, истина и жизнь» [Ин. 14, 6], подразумевая под путём – путь любви. Потому-то любовь как путь поставлена на первое место. Ибо только любовью постигается истина и жизнь. Любовь много прощает. И любовью прощается всё. Гордое самооправдание противно любви.

... Придёт время, ты уйдёшь от всех, и тебя все оставят. Дружья позабудут. Богатство тебе не понадобится. Красота увянет, не станет силы, высохнет тело, и душа погрузится во мрак. Кто протянет тебе руку в этой тьме и одиночестве? Только Христос Человеколюбец, если ты в жизни своей Его возлюбил. Он выведет тебя из тьмы к свету, из одиночества на Небесный Собор. Думай об этом день и ночь и стремись к этому.

И да поможет тебе Христос, Царь любви. Аминь.

Святитель Николай Сербский

НА ДЕЖУРСТВЕ

Антонина Терентьевна потеряла память в шестьдесят семь лет. Сначала она забыла адрес своего дома, несколько дат, названий, имён. Следом вылетели из головы многочисленные названия лекарств, препаратов... Потом в одночасье Антонина Терентьевна забыла, что больше сорока лет работала врачом-педиатром. После этого она забыла имена близких и перестала понимать, зачем живёт. Последним, что она утратила, было имя сына. И хотя, когда она смотрела на него, глаза её по-прежнему лучились любовью, светом и добротой, она никак его не называла, но ведь и говорить-то почти перестала. В сущности, она так смотрела всю жизнь на всех детей, хотя на сына всегда смотрела с особой любовью.

Сын с женой и его дочери, её внучки, приходили к ней каждый день, чтобы покормить, прибраться и усадить маму-бабушку перед телевизором или в хорошую погоду на лавочке во дворе «на дежурство». Они так и говорили: «Пойдём на дежурство». И, услышав слово «дежурство», Антонина Терентьевна заметно вздрагивала. Одному Богу было известно, сколько дней и ночей она отдежурила в детской больнице. Может потому это слово пробивалось даже сквозь умершее или заледеневшее сознание.

– Мама, на дежурство! – с улыбкой звал сын, и Антонина Терентьевна как-то особенно ответственно начинала собираться на улицу, где дежурила на скамейке у подъезда.

Её можно было оставлять там безо всякой опаски, что бросил на улице беспомощного человека в одиночестве. Может, потому что она и не знала, куда можно отсюда пойти или просто не могла покинуть свой пост дежурного.

Постепенно и соседи по подъезду и все жители двора, завидев бабушку-педиатра на скамейке, стали уважительно говорить:

– О, сегодня день хороший, Терентьевна на дежурстве.

Удивительно, но пока Антонина Терентьевна сидела «на дежурстве», погода ни разу не портилась. Не шёл неожиданно дождь, не поднимался ветер, не палил зной, не начиналась гроза, не залетала во двор метель... Полтора-два часа были, как говорят, тишь и благодать.

На все «здравствуйте» седая врач-педиатр с улыбкой кивала, а некоторым даже чуть махала рукой. Особенно детям. Близкие иногда удивлялись, что детям она вдруг могла сказать пару связанных слов, типа: «укутайся, простынешь», «завяжи шнурок, упадёшь», «осторожнее»...

Так для всех вокруг проходили в суете дни и ночи, а Антонина Терентьевна постоянно оставалась в своём остановленном времени – на дежурстве. Казалось, она даже и не стареет с тех пор, как забыла, что такое время.

В один из весенних дней сын вышел за ней на улицу, поправил чуть сбившийся на шее мамы шарф, платок, очки на носу, напомнил:

– Ну что, мам, дежурство закончилось, пойдём...

Но Антонина Терентьевна вдруг впервые за долгие месяцы «взбунтовалась», закачала во все стороны головой – отрицая предложение, и даже чётко и строго произнесла:

– На дежурстве!

Сын так и отпрянул от неожиданности, а в памяти его высветилось, как он в детстве звонил маме на работу со своими «хотелками». И, если сильно и не вовремя её донимал, телефонная трубка говорила ему строгим голосом: «Я на дежурстве!».

– Ну хорошо, мам, подежурь ещё, – сразу согласился сын, а мать уже снова смотрела своим никому непонятным взглядом куда-то мимо всего окружающего, наверное, в т-образный кусок неба между домами во дворе.

– Чего не идёте? – в окно выглянула встревоженная невестка. – Ужин готов.

– Похоже, мама на сверхурочное осталась или подменила кого, – вспомнил что-то из детства сын.

– Ну, пусть ещё посидит. Тепло, хорошо, полезно, – оценила невестка заоконный мир.

Сын со спокойной душой юркнул в подъезд, а навстречу ему из-за двери выскочил соседский мальчик лет семи.

– Мальчик, стой! – вдруг громко сказала Антонина Терентьевна, хотя на него даже не смотрела.

И мальчик, которому очень надо было куда-то бежать, замер. Старого врача все уважали.

– Что вам, баба Тоня? – спросил он.

– Осторожнее, – ответила она в небо.

И в этот миг во двор ворвалась чёрная лаковая машина и в какой-то миг пронеслась мимо подъездов как раз там, где должен был сейчас бежать мальчик.

Мальчик вздрогнул. Он понял, что доктор его спасла.

– Спасибо, баба Тоня. Меня Лёша зовут, – напомнил он. – Я побегу?

– Лёша, – повторила Антонина Терентьевна.

Мальчик, теперь уже оглядевшись по сторонам, побежал по своим делам. Антонина Терентьевна осталась на своём вечном дежурстве. Когда через час за ней снова вышел сын, она вдруг посмотрела на него и сказала:

– Лёша...

– Мама, ты вспомнила, как меня зовут? – вздрогнул сын.

– На дежурстве! – снова строго и твёрдо ответила она.

Сергей Козлов

ВОЛЯ ГОСПОДА ДА БУДЕТ!

Первый Великий князь и самодержец Всея Руси

Во время великой Смуты на Руси в начале XVII столетия осаждавшие русский город Тверь иноземные отряды не единожды видели воочию, как из крепости выезжал на белом коне дивный всадник с сияющим мечом в руках и обращал находников в бегство. Позже, увидев икону святого благоверного князя Михаила, они под присягой заверили местного архиепископа Феоктиста, что являющийся им таинственный всадник и есть тот человек, чей лик изображён на иконе – князь Михаил Тверской.

Кто же этот святой, наводивший ужас на врага через много лет после своей земной кончины?

Михаил Ярославич Тверской, родной племянник святого благоверного князя Александра Невского, появился на свет в 1271 или 1272 году. Своего отца он так и не увидел – ко времени его рождения князь Ярослав отправился в Орду, по дороге заболел и, приняв постриг с именем Афанасий, отдал Богу душу.

Воспитывался молодой Ярославич под присмотром Новгородского архиепископа Климента, на Тверской княжеский стол сел, когда ему было одиннадцать лет от роду. Правда, на самом деле княжеством правили его мать княгиня Ксения и бояре. Через два года по велению Михаила в Твери на месте деревянного храма святых бессребреников Космы и Дамиана возвели каменный в честь Спаса Преображения.

За последующие тридцать лет князь Михаил много потрудился и на ратной ниве. В 1285 году князь Михаил прогнал от своих южных границ литвинов, через восемь лет укрыл в Твери московского князя Дмитрия, который бежал от печально известной ордынской Дюденевой рати. В 1296 году тверские и московские дружины остановили поход на Переяславль войск Андрея Городецкого, который заигрывал с Ордой и сеял смуту на Руси. Тверское княжество богатели, в стольном городе развивались наука и культура.

В 1304 году Михаил Ярославич едет в Орду за подтверждением своих законных прав на Великокняжеский стол и добивается правды: отныне он – Великий князь Владимирский. Именно его первым стали называть Великим князем Всея Руси и самодержцем, что означает управление объединённой Русью. Однако с таким положением дел не согласился князь московский Юрий, сам чаявший великого княжения.

Сменилась власть и в Золотой Орде – новым правителем стал хан Узбек. Приняв магометанство, он сделал ислам государственной религией и уничтожил старую монгольскую верхушку. Постоянно приезжая в Орду, Юрий Московский вошёл в доверие к хану, женился на его сестре, праправнучке Батыя Кончаке, получил возжеланный ярлык на великое княжение и высокий (второй по старшинству) монгольский титул гургана, то есть зятя Чингизидов. Так московские князья породнились с потомками Чингисхана. В Москве «ордынская царевна» приняла Православие и получила имя Агафья.

Чтобы убраться на пути к великокняжеской власти Михаила Ярославича, Юрий пошёл войной на Тверь. В его войско входили посланные Узбеком татарские отряды во главе с Кавгадией, приближённым хана Узбека. 22 декабря 1317 года поднявшиеся на защиту города тверичи под началом князя Михаила наголову

разбили дружины Юрия и ордынцев, захватили много пленных, в том числе Кавгадия и жену Юрия Кончаку. Татарина Михаил Ярославич отпустил восвояси, но Кончака по неизвестной причине неожиданно умерла.

Перед ханом Узбеком московский князь Юрий обвинил Михаила Ярославича в отравлении Кончаки и добивался расправы над конкурентом. Узбек впал в гнев, пригрозил разорить Тверское княжество и повелел князю Михаилу предстать пред ним для ответа. Юрию Даниловичу в очередной раз пришлось отправиться в Орду. Князь Михаил поехал к татарам, не желая проливать русскую кровь и понимая, на что и за что шёл. Простившись с семьёй и горожанами, он взял благословение у своего духовного отца игумена Иоанна. «Отче, – сказал князь Михаил, – много заболел я о покое христиан, но по грехам моим не мог прекратить междоусобий. Теперь благослови меня, если придётся пролить кровь мою за них, и мне бы простил Господь грехи».

В Орде неправый суд признал Михаила Ярославича виновным в непокорстве хану и приговорил к смерти. На святого Михаила надели грубую дубовую колодку и приставили к нему стражу. Но и в таком положении князь Михаил постоянно читал Псалтирь и благодарил Господа за посланные ему страдания. Руки страдальца были закованы, и страницы Псалтири для него переворачивал мальчик.

Вскоре Орда направилась в поход на Северный Кавказ, и пленник двигался вместе нею, терпя побои и издевательства. Верные люди не раз предлагали узнику организовать побег, но Михаил неизменно отвечал: «Никогда не бегал я от врагов, и если спасусь, а люди мои останутся в беде – какая мне слава? Нет, воля Господня да будет». По милости Божией он не был лишён христианского утешения. Михаила посещали православные священники, игумены Александр и Марк, каждую неделю он исповедовался и причащался Святых Христовых Таин.

По наущению Юрия Даниловича и Кавгадия в стан, где томился пленник, явились убийцы. Добравшись до князя, они зверски топтали ногами мученика, наконец один из душегубов вонзил в Михаила нож.

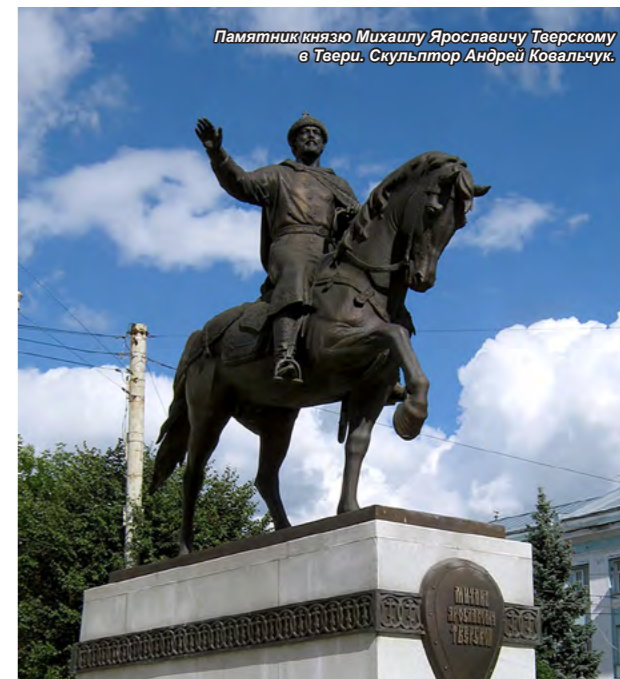
Василий Верещагин. Михаил Ярославич Тверской у Узбек-хана. (1890 г.)

Произошло это 22 ноября (5 декабря) 1318 года. Нагое тело убиенного, прикрыв одеждой, положили на доску и привязали к телеге. Охранять приставили двух сторожей, однако глубокой ночью их обуял необъяснимый ужас, и стражи убежали. Наутро тело князя исчезло. В ту же ночь многие – не только православные, но и татары – видели, как два светлых облака осияли то место, где лежал убитый тверской князь. Утром заговорили: «Князь Михаил – святой, невинно убиенный». Из Орды Михаила Ярославича перевезли в Москву, где погребли в церкви Спаса на Бору в Кремле.

В Твери о судьбе своего князя узнали только через год. По желанию его супруги княгини Анны и по просьбе тверичей мощи святого Михаила Тверского перенесли в его родной город и положили в выстроенном им же Спасо-Преображенском храме.

Местное празднование святому благоверному князю началось вскоре после перенесения его мощей в Тверь, а на Соборе 1549 года состоялось общецерковное прославление святого. Нетленные мощи святого Михаила были обретены 24 ноября (7 декабря н.ст.) 1632 года.

Игорь Маркин

ПОКУДА СВЕТ СВЕТИТ

– Мур? – вежливо спросил Мотя и сощурил честные глаза.

– Отчего ж не осталось? Бери вот.

Бабка Мотиха положила в блюдце с отбитым краем остатки яичницы.

– Мяу? – скромно спросил Мотя и сделал два неуверенных шага к блюдцу.

– Почему нету? Хлебца у нас вдоволь. Ешь.

Бабка Мотиха покрошила в блюдце хлеба и погладила кота.

– Мур, – поблагодарил Мотя и мягкой лапкой, как слепой, стал ощупывать еду.

– А огурцов нету. Летом огурцы будут. А в магазине по сто сорок рублёв я тебе покупать их не буду. Ешь что дадено.

– Мур, – буркнул Мотя и принялся есть.

– Ишь ты, воспитанный какой стал. Мне твоё спасибо ни к чему. Ты бы лучше крысу поймал. Всю ночь скреблась, спать не давала.

Кот поднял голову от блюдца и внимательно посмотрел на бабку.

– Не поглядывай! – рассердилась бабка. – Знаю, что она большая, да ведь и ты не мал! Не тараци глазищи-то, ленюга!

Бабка принялась убирать стол, а кот, аккуратно присев у блюдечка, взялся за еду. На стене шуршало, как мышь, радио; бабка сделала звук погромче. Мотя недовольно оглянулся – он не любил радио.

– Новости надо слушать, ай нет?! – возмутилась бабка. – Мы с тобой и так уж от мира отбились.

Кот медленно отошёл от блюдца и сел в стороне.

– Вот упрямый баран, – рассердилась бабка и убавила звук. – Аппетиту у него, вишь ли, нету. Иди ешь! Мотя вернулся к блюдцу.

– Оно и правда твоя, – вздохнула бабка и присела на стул, подперев подбородок худым кулачком. – От таких новостей и помереть недолго. День изо дня слушаешь это радио, а ни одной радости не услышишь...

Кот молча ел.

– Вот ежели б Матвей был жив, так я бы с ним поговорила. А от тебя какой мне толк? Слова не добьёшься...

– Мяу, – сказал кот, не отрываясь от еды.

– Вот только «мяу» и можешь, – насупилась бабка.

– Мур, – возразил кот.

– Ну, и «мур» тоже.

Бабка Мотиха вздохнула и встала из-за стола.

– На ночь кормить не буду! – пригрозила она коту.

– Будешь посажен в подвал крысу ловить! А не то капкан поставлю. И не поглядывай. Будешь посажен!

Кот замер и перестал жевать. Он нервно переступил с лапы на лапу и судорожно сглотнул.

– Поставлю! – пообещала бабка. – Влезешь опять

– будут две лапы кривые! Мало тебе одной?

Кот опять громко сглотнул и закашлялся.

– Ну чего ты, чего? – всполошилась бабка. – Подавился никак? Вот Господи!..

Она торопливо, прямо из литровой банки плеснула в блюдечко молока.

– Пей скорей! Пей, а то задохнёшься! – велела она коту, и тот стал послушно лакать, пощёлкивая розовым язычком по белой поверхности молока.

– Нежный какой... Слова нельзя сказать, – миролюбиво заворковала Мотиха и погладила Мотино ушко худым указательным пальцем. – Прям про крыс и не вспоминай ему во время еды. А когда ж про них поговорить? Ты ж наешься и спать на печку пойдёшь, а потом на улице. Когда ж про дело-то разговор вести? Нежный какой...

Кота раньше звали Барсиком, как половину котов в деревне. Вторая половина звалась Васьками. Причём все Васьки отзывались на Барсиков, а Барсики не игнорировали имя «Васька». И если какого Ваську звали отведать мелкой рыбёшки, негожей для уха, то Барсики тоже скромно пробирались кустами на чужой зов.

Продолжение на стр. 18-19

А если какого Барсика громко, с проклятьями гнали из дома или со двора, то и Васьки ныряли с забора и лавочек в зелень, подальше от шумного опасного места.

Бабка Мотиха, прозванная так по имени своего мужа Матвея, кота Барсика раньше особенно не баловала и разговоров с ним не вела. Когда Матвей был жив, хватало ей разговоров с Матвеем, а у Барсика были свои дела и заботы. Хозяйева ему были нужны только для кормёжки да ночлега, и бабка сердито попихивала его, когда тот путался под ногами, выпрашивая молочка или творожка, а порой и шлёпала лохматым венником, выгоняя на улицу, когда кот по рассеянности усаживался в углу под тумбочкой и принимался скрести лапой по гладкому полу.

Дед Матвей кота любил. Может потому, что Барсик не ворчал, как бабка, а может за просто так. Дед по вечерам сам лично проверял присутствие Барсика на печке и, если излюбленное котом место было пусто, дед выходил на двор и громко, долго звал его. Барсик для пущей важности выдерживал время, сидя где-нибудь за дровами. А потом, чуя в голосе деда безнадёжность и боясь, что тот уйдёт, выпрыгивал, как тигр, прямо под ноги и, гордо задрав хвост, не оглядываясь, бежал в дом. Дед довольно покашливал, бредя следом — такое послушание было ему приятно.

Когда дед Матвей неожиданно умер, всё сразу пошло по-другому. После похорон бабка Мотиха, придя со старухами домой, села возле поминального стола, долго смотрела в стену, не обращая внимания на голоса подружек. Барсик и сам не заметил, как отважился забраться к ней на колени и уткнуться носом в сухую, пахнущую землёй руку. Рука была прохладна и неподвижна, будто бабка тоже уже перестала жить. Барсик испугался чего-то, стал толкать её головой, тереться о пальцы ухом и негромко ворковать. Рука медленно потеплела, пальцы, невесомые и прозрачные, погладили Барсика по голове, и тот, облегченно вздохнув, прижался к бабкиному животу.

— Вот как вышло-то, — прошептала бабка кому-то, и Барсик озадаченно поднял голову, не понимая, с кем она говорит.

— Вишь, теперь что, — зашептала она опять. Барсик поднялся с бабкиных колен, положил передние лапы ей на грудь, вытянув своё пушистое тело и стал рассматривать её губы, будто пытался понять, что она хочет сказать. — Нету теперь Моти нашего, — проговорила бабка, глядя в зелёные тревожные глаза Барсика. — Одни мы с тобой остались.

По её щекам потекли слёзы. Барсик то ли из любопытства, то ли чтобы утереть их, стал тыкаться в бабкины щёки своим розовым влажным носом. Раньше он никогда не видел человеческих слёз так близко. Солёный вкус их был знаком. Барсик облизнулся, недовольно фыркнул и помотал головой. Бабка Мотиха слабо отстранилась от щекочущих его усов, но Барсик снова упрямо ткнулся в её щеку и стал слизывать тёплую влагу, едва прикасаясь к коже шершавым, как наждачная бумага, язычком. Бабка оторопело замерла, потом, осторожно прикоснувшись пальцами к кошачьей мордочке, отстранилась, внимательно посмотрела в печальные глаза кота и вдруг улыбнулась ему, — робко и виновато, как незнакомому человеку.

Первое время бабка Мотиха по привычке шуршала по утрам упаковками таблеток, приговаривая себе под нос: — Эвон, пирину-то осталось на три дня. Надось в город ехать в аптеку. Кому ехать? А мне.

Полина Лучанова. Бабуля с козами.

Она наливала в большую дедову чашку горячего чая, клала туда неверной со сна рукой сахар, рассыпая белые бисеринки по столу. Потом помешивала ложечкой питьё и громко звала: — Матвей! Вставай! Таблетки пить пора.

Но никто не отзывался, и в доме не слышно было ни единого звука, кроме резкого бряканья ложки по краям чашки. Звук был зажатым и глухой, будто где-то далеко звонил колокол, укутанный огромным ватным одеялом. — Слышишь! — повышала голос бабка. — Ай, нет?..

Голос её, облетев весь дом и не найдя деда, возвращался к ней и прятался где-то между приготовленными таблетками и чашкой чая. И тогда внезапно затихало бряканье ложки. Бабка, словно очнувшись от дурного сна, долго сидела с этой ложкой в руке, молча уставившись в цветные таблетки. Чай в чашке медленно остывал, никому уже не нужный, потому что бабка любила молоко и толку в чае не знала.

Поначалу от бабкиного зова Барсик прижимал к голове уши и весь съёживался, будто бы его кто-то собирался ударить. Он сидел так в углу на печке и не дышал, пока не прекращалось бряканье ложки. Потом он, неслышно прокравшись среди старых валенок, забирался на печной уступок и, тараща глаза, выглядывал из-за занавески. Бабка сидела за столом, и он с высоты смотрел на неё, не отрывая взгляда, подрагивая изредка шаурой на лопатках, и напряжённо вдыхая луковый запах печной пыли.

Спустя несколько дней Барсик по утрам не стал дожидаться бряканья ложки и на негромкое бабкино: «Вставай, Матвей!» шустро прыгивал с печки и бежал на кухню. Там, усаживаясь возле бабкиных ног, преданно смотрел на неё и на растерянное её бормотание отвечал на все лады разнообразным «мур-ррр-мя».

Постепенно он и вовсе отказался от своего имени, отзываясь только на «Матвея» или «Мотю». Бабке поначалу это не понравилось. Она настойчиво звала его по вечерам домой как Барсика, но упрямый кот не откликался и даже две ночи не ночевал из-за этого дома. Когда Мотиха перестала и вовсе его звать-величать, а говорила только «кыс-кыс», то

Барсик объявил голодовку. По лености своей крыс он ловить не мог и быстро отощал, стал грустным и задумчивым. Улегшись на дедов диван, он наблюдал за бабкой и на все её призывы даже ухом не вёл. Через некоторое время бабка Мотиха согласилась с молчаливым предложением кота и, сказав примирительно: «Мотя ты, Мотя. Весь в хозяина, упрямый», — и уже больше не звала его Барсиком.

Кот быстро отъелся, покруглел и повеселел. Да и бабке стало как-то легче на душе. Вместе с котом незаметно поменяла своё имя и бабка. После смерти Матвея в деревне внезапно вспомнили, что Мотиху от рождения звали Настей и, будто спохватившись или боясь, что по-старому её будет не докликаться, стали величать Настасьей. Даже добрые бабкины подружки, в глаза и за глаза звавшие её всю жизнь Мотихой, по какой-то причине старались не упоминать при бабке дедово имя. Но этой перемены бабка Мотиха не заметила: или не захотела брать пример со своего кота, или просто была покладистой и молча смирилась со всеми переменами, что произошли в доме после смерти её мужа.

После похорон деда каждое утро, протопив печь, покормив кота, Мотиха уходила на кладбище. В доме становилось тихо и прохладно, несмотря на пышущую жаром печь, и Мотю изредка пробирал озноб, отчего с пушистой спины его неслышно слетали, как солнечные снежинки, луковые шелушки.

Если бабки долго не было, кот начинал нервничать, вздрагивать от знакомых звуков: шуршания крысы в подвале, тиканья часов... Эти звуки без бабки казались ему опасными, и в конце концов Мотя не выдерживал, выбирался из своего горячего угла, аккуратно проползая между тёплых мягких валенок, и долго потягивался, стоя на краю печки. Но потягивание это было не сонным и сладким, как обычно, а напряжённым, тревожным, будто Мотя делал необходимую для предстоящего боя зарядку. Потом кот бесшумно прыгивал на пол и деловито спешил на кухню, где усаживался на подоконнике, внимательно отыскивая в морозных узорах на стекле зёрнышко проталинки, сквозь которое можно рассмотреть дорогу и далёкий снежный холм, где притаилось кладбище.

Когда бабка возвращалась, в доме становилось тепло. Печная занавеска будто оживала и начинала колыхаться от жара, и Моте было весело смотреть на неё и даже, несмотря на возраст, хотелось поиграть с летающими по синему ситцу занавески ромашками.

Потом Мотя перестал оставаться один дома и принялся ходить с бабкой на кладбище. Поначалу Мотиха ругалась на него, гнала домой. Но кот, отстав шагов на двадцать, был непреклонен и продолжал сопровождать её до самой могилы деда. Однажды она, уходя, закрыла Мотю дома, но по возвращении обнаружила на столе рассыпанную из солонки соль, а на полу осколки старой чашки. Мотиха схватила, было, по привычке венник, но бить кота не стала, а только потрясла венником в воздухе, погрозила правой, поворчала и после этого Мотю дома уже не закрывала.

На кладбище кот усаживался в кустах сирени за оградкой у чужих могил и сосредоточенно разглядывал качающихся на ветках воробьёв. Иногда ему приходило на ум поймать с ветки которого-нибудь, но стволы были тонкие, и как только он прыгал и цеплялся за сучки острыми когтями, хитрые воробушки

вспархивали, будто пушинки одуванчика от порыва ветра.

— Ах, ты! — возмущалась бабка, но никак не обзывала его, потому что на кладбище нехорошо ругать кота. Однако дома по вечерам она долго и подробно разбирала его поведение и журила, и наказывала, и велела впредь птиц на могилках не трогать. Ведь, может, они — человеечьи души... Моте непонятно было, почему дома бабка была доброй Настёной, а на кладбище превращалась в прежнюю неприступную Мотиху.

Если ему надоело сидеть в сиреновой засаде, он подходил и тёрся о бабкины ноги. Просился к ней на колени. В избе она обязательно приласкала бы его, усадила рядом, а здесь, не отрывая взгляда от могильного креста, легко отстраняла ногой и жаловалась кому-то: — Вишь вот, ходит за мной, кот-то этот наш...

Кот опять тёрся лбом о бабкины валенки, и тогда она мягко, беззвучно топала валенком о пушистый снег и сердито ворчала: — Кыш! Пошёл отсюда... Не лезь к людям!

А потом смотрела тоскливо на смолистый свежий крест и виновато жаловалась: — Не даёт и поговорить с тобой. Мурлычет, аж и голоса твоего не слышу.

Тогда кот снова уходил в свою засаду и обиженно поглядывал из кустов на хозяйку, забыв про щебечущих птиц. Он прятался за снежными холмиками могил, наблюдал, как бабка крошит птицам хлеб, отряхивая от снега затёртую старую плюшевую шубу, и гладит на прощанье замёрзшей непослушной рукой невысокий крест — ласково и осторожно, будто он не деревянный, а живой, тёплый...

За воротами кладбища Мотиха оглядывается по сторонам и негромко кличет: — Барсик! Барсик!..

В голосе её уже нет недавней строгости, он беспоощен и одинок. — Барсик, пойдём домой, — просит бабка. Но кот не отзывался, и в заснеженной тишине слышно только, как перелетают с ветки на ветку и спорят о своих делах птицы. Бабка обречённо вздыхает и направляется к тропке, потом вдруг останавливается, оглядывается по сторонам, торопливо крестится и почти беззвучно шепчет: — Мотя, Мотя!..

Кот будто того и ждёт. Он выпрыгивает, как рысь, из сугроба, пробегает, не глядя на бабку, вперёд и, высоко подняв пушистый хвост, неторопливо семенит к дому.

На дедовом кресте, который виден далеко с дороги, на самой макушке сидит, будто спелое яблоко, красногрудый снегирь. Он неотрывно смотрит на уходящих. Бабка послушно топает по узкой протоптанной ею тропинке следом за котом, и оба постепенно прибавляют шаг, потому что зимой темнеет рано, и скоро нужно будет опять топить печь.

День почти позади. А впереди только старый, остывший от одиночества дом, в котором стосковалось, загрустило по ним зыбкое тающее прошлое. Уже виднеется нахлобученная до подслеповатых окон белая шапка крыши и оттопыренное ухо веранды, высокий, пышный, до самых окон, воротник сугроба...

Когда Настасья зажжёт свет, окошки засияют, и будет казаться, что дом счастлив, что в нём тепло, спокойно и радостно. Что все родные там вместе и некого больше ждать.

Так будет казаться, покуда свет не погаснет.

Елена Родченкова

ДАР БОЖИЙ ЗА СТОЯНИЕ В ИСТИНЕ

Месяцев шесть назад появился в храме мужичок. Он сильно набедокурил, навертел такого, что жена ушла и ребёнка забрала. И кажется, уже сошлась с кем-то... Словом, всё – конец. Очередная история распада.

Но мужичку этому стало вдруг страшно (не иначе как молится за него кто-нибудь...). И он в растерянности пришёл-таки в храм и решил с помощью Божией не сдаваться, а бороться с бесами, воевать за свою семью! Он покался. Понимаете, не просто назвал грехи, не «отчитался о проделанной работе», как это у нас бывает, а твёрдо решил измениться, стать другим, возродиться с помощью Божией. И ещё он сказал себе твёрдо: несмотря ни на что, я – муж и отец перед Богом и буду себя вести как муж и отец.

И он ходил к бывшей жене, а она не пускала его на порог; он дарил ей цветы, а она выбрасывала их на помойку... Он хотел увидеть ребёнка, а ему не давали свидания... Он издали видел свою жену с тем, новым – и сердце у него разрывалось... Но он говорил: «Господи, Ты же видишь: я каюсь. Прости меня, дай мне быть мужем, оставаться отцом...». И он держался несмотря ни на что. Продолжал звонить... встречать... искать общения и дарить цветы... Не с дерзостью, понимаете, не с гонором, а с любовью.

Михаил Нестеров. Весна.

И он победил! Два дня назад он подошёл после службы и сказал просто: «Батюшка, мы снова вместе!».

Если бы вы знали, какая радость для священника слышать такие слова! Да что там для священника – на Небесах больше радости об едином грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках!

Да, он разрушил брак, а неверность жены завершила растление. Но Господь из пепла силён восставить истлевшую плоть, – была бы вера, было бы покаяние, была бы любовь!

Вспоминается известная поговорка: «Кто хочет – ищет возможности, кто не хочет – причины». Как часто мы в нашей жизни только и ищем причин, чтобы свергнуть с себя «бремя» семейной жизни, не понимая, что это бремя на самом деле «легко есть». И причины эти скоро находят. И валится, рушится всё вокруг в виду крайнего умножения этих мнимых причин. Но как же достоин уважения тот, кто и в крайнем разладе ищет возможности к сохранению брака: в душе своей, в твёрдом намерении, в поисках примирения... в осознании ответственности... в уповании на милосердие Божие! И такое расположение сердца, конечно, угоднее Богу, чем расслабленность, ищущая самоугождения и лёгких путей.

Ратника не оставит Бог, и семья, пусть даже разрушенная, но держащаяся ещё на волоске веры, будет Господом восстановлена и почтена – за терпение, веру и за упование – великими благами. И в наше время этот путь – путь борьбы за свою семью, стояние за неё – это труд любви, покрывающий множество наших грехов. Не сдавайтесь!.. Не сдавайтесь ни легко, ни трудно. Никак! Боритесь за свои семьи с помощью Божией! Оставайтесь жёнами и матерями, мужьями и отцами – в сердце своём, в мыслях и поступках несмотря на разгул страстей в обезумевшем мире. И за это стояние в истине Господь обязательно дарует нам Свою благодать, и мы поймём, что важнее и лучше этого нет ничего на свете!

Священник Димитрий Шишкин

С вопросами и предложениями можно обращаться к протоиерею Николаю Бабичу:
тел.: +7 (951) 860-40-40, Viber: +7-951-860-40-40, ВКонтакте: vk.com/snt.antonius,
Telegram: @NikolaiBabich.

Адрес храма и редакции: 394070, г. Воронеж, ул. Тепличная, 22-А.
E-mail: Snt-Antonius@yandex.ru.

Электронная версия «Вестника» доступна по адресу: www.snt-antonius.ru

Учредитель, издатель – Местная религиозная организация православный Приход храма во имя свт. Антония (Смирницкого), архиеп. Воронежского и Задонского г. Воронежской религиозной организации «Воронежская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)». Адрес издателя: 394070, г. Воронеж, ул. Тепличная, 22-А

Редакционная коллегия:
протоиерей Николай Бабич, Римма Лютая
Главный редактор: Бабич Николай Николаевич,
протоиерей. +7 (951) 860-40-40
Выпускающий редактор, ответственный
секретарь, корректор:
Римма Лютая. +7 (960) 115-69-06

Редактор отдела истории и краеведения: Игорь Маркин
Дизайн, макет, вёрстка: Наталья Назаренко
Отпечатано: АО «Воронежская областная типография –
издательство им. Е.А. Болховитинова»,
г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73А.
Тираж: 999 экземпляров. Заказ: № 000.
Дата выхода издания в свет: 27.02.2026 г.

Издаётся на средства
и трудами благодетелей.

Не используйте наше издание
в хозяйственных целях.
Цена: бесплатно.
Распространяется за пожертвование.

0+